

— Что ж... — Анцилла сделала паузу, пытаясь унять волнение.

Однако каждый раз, видя сына, глаза которого опухли от слёз, она едва сдерживала эмоции. Анцилла похлопала себя по груди, чтобы подавить чувство разочарования, и взяла веер, чтобы охладить лицо.

— Мой сын, Циан, вызвал на дуэль побочного потомка... и проиграл?

— Да, — ответил Хазард.

Рыцарь старался не поднимать голову. Он не хотел из-за этого бестолкового действия умножать количество выговоров, которые получит от злобной тигрицы.

— И ты сказал, что этот мальчишка не тренировал ману?

— Да.

— Бессмыслица какая-то, — заявила Анцилла, невольно повторяя реакцию Циана.

Она с недоверием посмотрела на сына. Тот просто стоял, сопя и опустив глаза.

— Иди сюда.

— Мама.

— Я сказала тебе идти сюда! — громко взвизгнула Анцилла, не в силах больше сдерживаться.

Плечи Циана вздрагивали, как и всё его тело. Тем не менее, пусть и нерешительными шагами, он шел вперёд, пока не встал перед Анциллой.

Сделав глубокий вдох, она резко вскинула руку.

— А-а! — вскрикнул Циан.

Её ладонь вжималась в солнечное сплетение, несмотря на то, что боль ещё не утихла... Хазард с жалостью посмотрел на Циана и снова опустил голову.

— И это с одного удара? — шипела Анцилла.

— М-мам, мне больно!..

— Не двигайся!

Едва он собирался делать шаг назад, его тело напряглось. И Анцилла, используя всю свою силу, без колебаний давила на его солнечное сплетение. Каждый раз, когда она это делала, Циан был вынужден сжимать зубы, чтобы сдержать крик.

Циэль наблюдала за этой сценой с угрюмым выражением лица со своего места в дальнем конце комнаты. Её почти разрывало от желания что-то сказать, но, как бы молода она ни была, Циэль прекрасно понимала, что открывать рот в подобной ситуации ни к чему.

— Хазард, ты готов поклясться, что всё было так? — Анцилла повернулась к рыцарю.

Хазард заколебался.

— Я спросила, готов ли ты дать клятву? — повторила Анцилла. — Это отродье, он действительно не тренировал свою ману?

— Да, я готов поручиться за это, — наконец сказал Хазард.

Нельзя давать клятву легкомысленно. Однако если сейчас промолчит, то его точно ждёт что-то ужасное. Хазард был в этом уверен.

— Сын лорда Герхарда, мастер Юджин, не тренировал свою ману. От него не исходит ни следа её.

— Точно?

Анцилла попыталась вспомнить имя Герхарда. Оно не сразу всплыло, что подразумевало, что она уже классифицировала его как несостоящее запоминания. Это означало, что... он определенно должен быть из провинции Гидоль. Она припомнила, что Герхардом звали какого-то отщепенца рода, не имевшего даже официального титула и похороненного в сельской местности. Он принадлежал к побочной линии, отделившейся от основной семьи сотни лет назад, и до сих пор ни один из членов этой семьи не добился ни малейшего успеха.

— Мой сын... — сказала Анцилла, задирая рубашку Циана. Тот закрыл глаза, его тело дрожало от страха. Анцилла продолжила: — Он был побеждён одним ударом... того, кто даже не тренировал ману.

Поверхность живота была окрашена насыщенными чёрными и синими цветами. Анцилла лишь фыркнула при виде этих глубоких синяков. Она была отпрыском семьи военных. Её отец, граф

Кайнс, занимал важный пост в армии империи.

— Да, это определённо было сделано одним ударом. Циэль, как твой брат посмел проиграть?
— спросила Ансцилла.

— М-мам. Это... — заикался Циан.

— Я не тебя спрашивала. — Ансцилла бросила на сына свирепый взгляд. Её глаза были такими пугающими, трудно поверить, что она смотрит на своего тринадцатилетнего сына.

— Когда начался поединок, Юджин ткнул своим копьём, — сказала Циэль, поджимая губы. — Брат испугался и попытался отступить, но Юджин действовал копьём слишком быстро, чтобы он смог уклониться.

— Расстояние между ними? — уточнила Ансцилла.

— Оно было довольно большим.

— А что в этот момент делал твой брат?

— Он пытался поднять свой меч.

Всё это произошло всего час назад, не так давно, чтобы было трудно вспомнить. Каждый раз, когда Циэль отвечала на один из вопросов Ансциллы, тело Циана вздрагивало от волнения.

— Т... — Циан собирался защищаться.

Однако Ансцилла, закончившая обдумывать всю историю, выплюнула:

— Ты настоящий идиот!

Шлёп!

Голова Циана дёрнулась в сторону. Циан стиснул зубы и сдержал стон, предвидя, что это произойдёт.

— Кто-то, кто даже не тренировал свою ману! Сопляк одного с тобой возраста!.. Ты позволил ему нанести первый удар?! Ты даже не смог уклониться как следует! Позволил добраться до тебя! И когда он ударил, ты рухнул, пачкая всё вокруг рвотой?!

Каждый резкий окрик Анцилла сопровождала ударом по одной из щёк Циана. При каждом ударе голова его моталась из стороны в сторону. Удары не были слишком болезненными, так как ни в одной из пощёчин не было маны. Однако применять такие телесные наказания к ребёнку было слишком.

— Прямо на виду у всех... где любой, даже низший класс, мог видеть! Ты посмел проиграть после того, как первым попросил о дуэли?! Ты хочешь увидеть, как твоя мать сгорит со стыда?!

— Прости... прости... прости, мама!

Он мог заглушить крики боли, но не смог сдержать рыданий. Слёзы полились из глаз Циана, как только он всхлипнул. Однако вместо сочувствия Анцилла почувствовала гнев, глядя на слёзы сына.

— Ты думаешь, что можешь плакать? — требовательно спросила Анцилла.

Циан всхлипнул.

— Зачем ты совершил бессмысленный поступок, который только усложнит жизнь твоей матери?! Отец скоро должен вернуться на Церемонию продолжения рода, и я не знаю, смогу ли смотреть ему в глаза!.. И что насчёт этой суки Танис, как я встречу с ней лицом к лицу после этого?!

В связи с учёбой Гильяд, патриарх главной линии Леонхарт, отсутствовал в поместье около трёх лет. В таких обстоятельствах власть должна была находиться в руках Танис, официальной первой жены. Однако во время нынешнего отсутствия главы семьи власть перешла не к первой жене, а к Анцилле.

Тому было простое объяснение. После рождения ребёнка, Эварда, Танис стала бесплодной и больше не могла рожать. Гильяд, который хотел продлить свой род, не мог удовлетвориться одним сыном.

Поэтому он завёл вторую жену, Анциллу, которая родила ему близнецов.

«Если будет трое, то этого достаточно», — так говорил Гильяд всякий раз, когда речь заходила об этом, но Анцилла никогда не соглашалась. Причина, по которой она, дочь графа Кайнса, отказалась от многих хороших предложений о замужестве и вместо этого присоединилась к семье Леонхарт, пройдя позорный путь от наложницы, заключалась в том, что Анцилла была одержима престижем фамилии Леонхарт.

— Они все... они все будут смеяться надо мной. Конечно же, — пробормотала Анцилла, грызя ногти и представляя себе лицо Танис, когда та узнает об этом.

Циан, которого охватил ужас при виде бешенства матери, заикаясь, попытался заговорить:

— Я... я снова брошу ему вызов. Чтобы мать не была опозорена, я...

— Снова? — спросила Анцилла, её голос резко повысился. — Почему ты хочешь вызвать его на ещё одну дуэль, когда уже потерпел поражение?! Не делай ничего бесполезного и просто держись подальше от неприятностей, пока не начнётся Церемония продолжения рода!

— Но... — запротестовал Циан.

Не дав ему договорить, Анцилла крикнула:

— Хазард!

Голова Хазарда всё ещё была низко опущена, и его плечи дрогнули, когда он ответил:

— Да, миледи.

— Я бы хотела избавиться от тебя насовсем, — сказала Анцилла, её кулаки тряслись от ярости. — Но... не могу этого сделать, даже если ты позволил случиться подобному!.. Потому что ты... любимый рыцарь моего мужа. Это должно значить, что проблем с тем, чему ты учил моего сына, нет никаких, верно?

Хазард продолжал молчать.

— Если в твоём преподавании нет проблем, то... всё дело в моем сыне!.. Он плохо занимался, поэтому был побеждён этим крестьянским отродьем.

— Прошу прощения.

В такой ситуации, когда он не мог ни подтвердить, ни опровергнуть обвинение, а держать рот на замке было невозможно, принести извинение было лучшим, что мог сделать Хазард.

— Возьми Циана и уходи, — приказала Анцилла.

— Мама... — Циан замялся.

Анцилла проигнорировала его мольбу.

— Иди и сделай его более сильным, настолько, чтобы он больше никогда не запятнал мою

репутацию.

Хазард кивнул и отошёл. Несмотря на слёзы, мальчик беспрекословно выполнил приказ Ансциллы и вышел из комнаты вместе с рыцарем.

— Циэль, задержись ненадолго, — окликнула Ансцилла.

Пойманная в тот самый момент, когда собиралась улизнуть вместе с остальными, Циэль скривила лицо и ответила:

— Да.

Она спокойно вернулась на своё место и терпеливо ждала, наблюдая за выражением лица матери.

Наконец Ансцилла заговорила:

— Тот мальчишка, ты сказала, что его зовут Юджин, верно?

— Да.

— Ты тоже вызвала этого мальчишку на дуэль?

— Нет, я не вызывала его.

— Почему?

— Брат проиграл после одного удара. Если бы мы сражались, я тоже не победила бы, — тихо пробормотала Циэль.

Хотя она и решила ответить честно, всё же боялась, что мать может ещё больше разозлиться такому ответу.

Однако Ансцилла не впала в ярость, как раньше, а сказала:

— Ты хорошо справилась.

Будто другой человек, она смотрела на дочь со спокойным выражением лица.

— Проиграй ещё и ты... я бы повесилась от стыда, — призналась Анцилла.

— Пожалуйста, не говори так, мама! — воскликнула Циэль.

Конечно, она понимала, что её мать из тех людей, которые при любых обстоятельствах не лишат себя жизни. Однако с раннего детства усвоила, что может улучшить настроение матери, если будет вести себя угодливо.

— Каков этот мальчик? Юджин? — спросила Анцилла.

— Не уверена, что понимаю, о чём ты спрашиваешь, мама, — призналась Циэль.

— Я говорю о внешности и первом впечатлении.

— Внешность... хм... я думаю, что он красивее, чем брат. Что касается впечатления, то он немного странный...

— Странный? Как это?

— Когда он спорил с братом, был ребячливым и грубым, но когда разговаривал с Хазардом, казался намного старше.

От этих слов Анцилла на несколько мгновений погрузилась в раздумья. Поскольку мальчику было всего тринадцать, она могла понять его ребячество и резкость, но чтобы он казался взрослым в разговоре с Хазардом?

Циэль продолжила:

— Он... он всё время говорил что-то о чести. И ещё сказал, что проявление милосердия на дуэли — это оскорбление противника. Из-за того, что Юджин так сказал, Хазард извинился.

— Извинился?

— Да. Сказал, что сделал «самонадеянное замечание».

Вспомнив тот момент, Циэль начала улыбаться, даже не осознавая этого. Тут же она вспомнила, что ситуация не располагает к веселью, и сразу изменила выражение лица, но Анцилла слишком отвлеклась, чтобы обратить внимание на потерю самообладания Циэль.

«Самонадеянное замечание»?.. — размышляла Анцилла. Похоже, позже ей придётся снова позвать Хазарда и узнать от него всю историю.

Слегка кивнув, Анцилла спросила:

— Ты злишься на него за то, что ударил твоего брата?

— Да, — в конце концов ответила Циэль.

Это была ложь. Хотя она не ненавидела брата, ей показалось забавным зрелище того, как он плачет, продолжая изображать высокомерие.

— Ты не должна наивно пытаться отомстить за брата, — предупредила Анцилла, хотя на самом деле ей были известны истинные чувства дочери.

Циан и Циэль были вместе с самого рождения, поскольку были близнецами. Циэль с раннего возраста проявляла характер, привычно проказничая и озорничая, даже когда повсюду следовала за братом. Анцилла знала, что Циэль — ребёнок, для которого собственные забавы важнее привязанности к брату.

— Теперь твой брат будет занят обучением с Хазардом.

— Я буду тренироваться с ними, — вызвалась Циэль.

— Конечно, будешь. Однако не слишком заикливайся и подружись с этим мальчиком... Юджином.

— Зачем?

— Хорошо иметь много друзей, — уклонилась Анцилла, её взгляд стал холодным.

Этот соплик победил сына и запятнал её репутацию. Однако, услышав, что Юджин победил, не тренируя ману, она удивилась.

— На данный момент этот мальчик, Юджин, достаточно силён, чтобы победить твоего брата. Поэтому лучше быть на его стороне, — объяснила Анцилла.

— Да? — в замешательстве спросила Циэль.

— Да.

Анцилла заставила себя успокоиться. Честно говоря, ей хотелось пойти на поводу у своих желаний и искалечить Юджина так, чтобы он не смог двигаться до конца жизни. Однако она не могла этого сделать.

Сотни лет назад шла напряжённая борьба за то, кто унаследует прямую линию Леонхарт. Каким-то образом мир был заключен, но с тех пор убийство родственника считалось серьёзным табу в семье. Причина, по которой Гильяд, нынешний глава семьи, сказал «если их трое, то этого достаточно», заключалась в том, что он боялся бессмысленно увеличивать число прямых наследников, поскольку это привело бы к тому, что братья и сёстры стали бы убивать друг друга ради честолюбия.

Ансцилла и сама не хотела рисковать, нарушая табу, существующее сотни лет, только ради этого вопроса.

«Если ему причинят вред, то больше всего подозрений будет на мне», — рассуждала она.

Хотя по традиции члены прямой линии могли открыто притеснять побочных потомков в дни, предшествующие Церемонии продолжения рода, всё же существовала черта, которую пересекать не стоило. Например, прикрепление неуклюжей служанки в качестве личного помощника, выделение неиспользуемой пристройки и преследование по пустыкам — независимо от того, сколько шума подняли эти вещи, они всё ещё не пересекали черту.

Однако если сделать это, в ситуацию вмешивались Хранители семейных заповедей.

Только представив это, Ансцилла задрожала от ужаса. Она не хотела связываться с Хранителями, особенно по такому позорному поводу.

— Поняла, мама, — кивнув и мягко улыбнувшись, сказала Циэль после нескольких секунд раздумий. — Я обязательно сблизюсь с Юджином. Это всё, что мне нужно сделать, верно?

У неё не было ни малейших сомнений в том, что у неё получится. Вместо этого Циэль испытывала острое любопытство по отношению к этому непостижимому родственнику.

<http://tl.rulate.ru/book/51117/2263530>